

Изъ Записной Книжки «Русскаго Архива».

Возвышеніе Воронцовыхъ.

Въ Ростовѣ, въ началѣ прошлаго столѣтія, жила очень бѣдная, набожная вдова, Воронцова. Она много плакала и молилась о будущей участи сыновей своихъ. Святитель Димитрій, къ которому она ходила, утѣшалъ ее предвѣщаніемъ, что сыновья ея будутъ счастливы и достигнуть почестей. Одинъ изъ ея сыновей, Михаилъ Иларіоновичъ воспитывался въ Сухопутномъ Шляхескомъ корпусѣ. Это было уже при Аннѣ, когда Елисавета Петровна жила въ уединеніи, въ зданіи теперешняго Пажскаго Корпуса. Съ нею жила двоюродная сестра ея Анна Карловна Скавронская. Разъ сія послѣдняя какъ-то ѣздила въ Корпусъ, увидала тамъ Воронцова и влюбилась въ него. Она убѣдила Елисавету приглашать его къ нимъ на праздники. Тутъ онъ и бывалъ по Воскресеньямъ и вечерами наканунѣ. Склонность ихъ сдѣлалась извѣстна, и Государыня воспользовалась этимъ, чтобы досадить Елисаветѣ. Михаилъ Воронцовъ былъ наказанъ, исключенъ изъ Корпуса и посланъ въ отдаленный полкъ. Между тѣмъ Анна Леопольдовна чрезвычайно любила Елисавету. Когда она родила Іоанна Антоновича, Цесаревна крестила его и подарила родильницѣ дорогую вазу (Скавронская ѣздила покупать ее, у Елисаветы не доставало денегъ для уплаты, и купцы, узнавъ для кого идетъ покупка, не хотѣли взять ни копейки съ дочери Петра Великаго). Анна Леопольдовна была до того довольна, что не знала чѣмъ возблагодарить Елисавету; сія послѣдняя, по внушенію своей двоюродной сестры, упростила ее выхлопотать у Государыни возвращеніе Воронцова, что и удалось ей, однако не безъ труда. Впослѣдствіи Воронцовъ участвовалъ въ возведеніи на престолъ Елисаветы и достигъ высшихъ почестей. Брата его Романа звали „Романъ Большой Карманъ“. Онъ женился на дочери нѣкоего

Сурмина, накопившаго до 13 т. душъ крестьянъ. Отъ Михаила Ларионовича, женившася на А. К. Скавронской, не было мужского потомства. Отъ Ивана Ларионовича—теперешніе Воронцовы-Дашковы. (Записано со словъ Ф. Ф. Вигеля).

*

Княгиня Варвара Александровна Шаховская (рожд. баронесса Строганова), родная сестра Анны Александровны Голицыной, матери князя Сергія Михайловича, образованная и получившая воспитаніе за границею, жила постоянно въ Петербургѣ открытымъ домомъ. Она славилась дѣятельностью и благодѣяніями: до 60 т. р. ежегодно у нея выходило на пансіоны и вспоможенія бѣднымъ семействамъ и родственникамъ, коими она себя окружала. Дочь ея сначала вышла за иностранца *Арамбера*, потомъ за князя Шаховского же; но замѣшана была въ исторіи съ графомъ Комаровскимъ и отравилась. Екатерина по этому случаю призывала Н. П. Архарова и приказала, кажется, не совершать надъ нею обрядовъ погребенія. Несчастливая мать съ той поры отказалась отъ свѣта. Она взяла между прочимъ воспитывать къ себѣ дочь своего доктора Париса (*Paris*), отлично ее воспитала и выдала за Балабина. Эта Балабина—мать почтеннаго семейства, у котораго училъ Гоголь и съ которымъ такъ друженъ былъ Плетневъ*).

Тетка Балабиной была г-жа *Брейткопфъ*, жена книгопродавца, которому продавалъ первыя свои произведенія Крыловъ. Княгиня указала императрицѣ Маріи на Брейткопфъ, которая была гувернанткой ея дочерей, и Государыня опредѣлила ее начальницей С.-Петербургскаго Екатерининскаго Института, гдѣ она долгое время со славою трудилась надъ воспитаніемъ дѣвицъ. Изъ трехъ дочерей ея одна была дѣвицею и кончила вѣкъ на прекрасномъ казенномъ содержаніи въ Смольномъ монастырѣ, другая за *Дьлинимъ*, институтскимъ чиновникомъ, третья была третьей женой Василія Николаевича *Зиновьева*, отца множества дѣтей и брата княгини Орловой, рановременно скончавшейся въ Лозаннѣ.

*

Князь Семенъ Ѳедоровичъ *Волконскій*, г.-аншефъ, имѣлъ въ Москвѣ домъ недалеко отъ Лѣвнвки, отъ коего прозвалась въ Москвѣ улица Волконка; былъ женатъ на княгинѣ Софѣ Семеновнѣ Мещерской. У нихъ дѣти:

*) Позднѣйшее примѣчаніе: Одна изъ дочерей этой Балабиной (въ замужествѣ за княземъ Гагаринимъ)—бабка Николая Ѳедоровича Ѳедорова. П. Б.

1) Анна Семеновна за Оленинымъ. ограниченнымъ челоѡкомъ. Она была съ молодости красавица. Сынъ ея, впоследствии извѣстный Алексѣй Николаевичъ *Оленинъ*, воспитывался въ Стразбургѣ. У Анны Семеновны въ Московскомъ домѣ (близъ Леонтьевского переулка) кровать посреди горницы на высокой эстрадѣ, на ступеняхъ коей сидѣли дѣвочки, вязавшія чулокъ по урокамъ, а у дверей двѣ пожилыя женщины въ бѣлыхъ платьяхъ, всѣ безъ башмаковъ; онѣ съ подобострастіемъ взирали на свою госпожу, лежавшую на кровати и предупреждали ея желанія. До конца сохраняла слѣды красоты. Умерла года за два до 1812 года.

2) Александра Семеновна, за дѣдомъ фаворита *Мамонова*. про котораго рассказывали, что онъ, злобясь на П. И. Панина, сдѣлалъ гдѣ-то выѣску—большими буквами, промежъ коихъ были маленькія буквы, такъ что выходило что то бражное и неприличное.

3) Наталья Семеновна за Украинцомъ *Хрущевымъ*; ея правнукъ служилъ у великой княгини Елены Павловны.

4) Екатерина Семеновна за отцомъ фаворита *Ермолова*. Чистоплотная старушечка. жившая небогато.

5) Марья Семеновна за Александромъ Васильевичемъ *Корсаковымъ*. тоже родственникомъ фаворита. Это бабка по матери А. И. Васильчиковой. Марья Семеновна была очень крутаго нрава. Мужъ ея начальствовалъ полкомъ. въ которомъ былъ Мировичъ. Это вспомнили, когда Н. П. Архаровъ хлопоталъ о звѣздѣ для племянницы своей Екатерины Александровны, дочери его брата Ивана Петровича.

*

Одинъ изъ участниковъ горестнаго событія 11 Марта 1801 года Яковъ Ѳеодоровичъ Скарятинъ имѣлъ входъ ко Двору и даже на вечера въ Аничковъ дворецъ. Однажды. въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, разговаривалъ онъ съ В. А. Жуковскимъ. Подошедшій Пушкинъ услышалъ. какъ Жуковский спрашивалъ Скарятина о кончинѣ императора Павла. Входятъ въ залу Николай Павловичъ и Бенкендорфъ. „Ну что, сказалъ Пушкинъ Жуковскому, если бы Государь узналъ, что наставникъ его сына такъ любознателенъ?“ Очень можетъ быть. что самъ Николай Павловичъ допрашивалъ Скарятина о томъ же. Судьба отца отменно занимала его во всю его жизнь. Онъ осиротѣлъ послѣ него четырехъ лѣтъ отъ рожденія и хорошо помнилъ ночной переѣздъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ. Сынъ Скарятина, Григорій Яковлевичъ (герой Венгерской войны) пожалованъ былъ олігель-адъютантомъ и когда приходилъ благодарить, Государь сказалъ ему: *Dites à votre père: voilà comme je me venge* (скажи своему отцу: вотъ моя месть).

*

Письма великаго князя Константина Николаевича къ А. В. Головину, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 года, выписаны мною, 27 Іюня 1882 въ Петербургѣ, изъ тетради съ копіями писемъ великаго князя, которую неожиданно-негаданно сообщилъ мнѣ для прочтенія А. В. Головинъ изъ Царскаго Села при письмѣ, въ которомъ онъ говорилъ, что мое сочувственное великому князю выраженіе побудило его къ этой присылкѣ. Я же, бывъ у него въ Царскомъ по дѣлу о „Воронцовскомъ Архивѣ“ и увидавъ большой портретъ великаго князя, вспомнилъ добрыя его ко мнѣ отношенія во время хлопотъ по разрѣшенію 2-го тома сочиненій Хомякова и сказалъ, между прочимъ: „во всемъ причиною Николай Павловичъ“.

*

Графиня Фоссъ подъ 24 Февраля 1813 г.: Ich höre dass man mit Staffetten vorsichtig sein muss. General Benkendorf soll in Münchenberg, wo er sich befindet, alle Briefe öffnen, die er auffangen kann, т. е. Я слышу, что нужно быть осмотрительною съ письмами; генераль Бенкендорфъ, говорятъ, вскрываетъ въ Мюнхенбергѣ, гдѣ онъ сейчасъ находится, всѣ письма, которыя онъ только можетъ перехватить.

*

Въ Тифлисѣ, въ 1848 году князь С. М. Воронцовъ катался верхомъ съ отцомъ своимъ, намѣстникомъ. Тогда по всей Европѣ происходили революціи. „А что у насъ будетъ тоже?“ спросилъ молодой князь у старика-отца.—„Ничего подобнаго у насъ не произойдетъ. отвѣчалъ князь Михайлъ Семеновичъ; но у насъ возможно общенародное возмущеніе, и призывнымъ кличемъ къ нему будетъ: „Бей Нѣмцевъ!“ Если же это движеніе коснется старообрядцевъ, то никакая правительственная сила не въ состояніи будетъ съ нимъ справиться“.

*

Нѣкто Т., внушившій въ себѣ полное довѣріе Наслѣдника Престола, просилъ Клейнмихеля повысить по службѣ его брата, служившаго подъ его начальствомъ. Тотъ на прямикъ отказалъ, такъ какъ Т. былъ ненадеженъ. Тогда Наслѣдникъ, по настоянію своего любимца, сталъ просить Клейнмихеля о томъ же, но тоже получилъ отказъ, съ добавленіемъ о взяточничествѣ этого господина. Александръ Николаевичъ настаивалъ и убѣдилъ Клейнмихеля все таки представить Т. къ повышенію. Клейнмихель согласился, сказавъ напередъ, что и Государю доложить тоже самое. На докладѣ онъ прямо сказалъ, что за Т. просить Наслѣдникъ, но что господинъ этотъ ненадеженъ. „Мы съ тобой старики, Петръ Андреевичъ, что тебѣ за охота ссориться съ

будущимъ Царемъ? Сдѣлай для него!“ Т. получилъ въ управленіе Крымскій округъ путей сообщенія, и онъ тамъ началъ хозяйничать. Прошло много лѣтъ. Въ Крымскую войну бездорожье Южной Россіи явилось государственнымъ бѣдствіемъ. Повсюду кляли инженеровъ. По вступленіи на престолъ Александра Николаевича, Клейнмихель тотчасъ же попросилъ увольненія, но Государь уговорилъ его оставаться и былъ съ нимъ по прежнему милостивъ и любезенъ. Въ Сентябрѣ 1855 года Клейнмихель проводилъ его до Москвы. Государь восхищался дорогою и тогда же по предложенію Клейнмихеля, назвалъ ее Николаевскою. Но дальше до Николаева и Севастополя Государю и его свитѣ приходилось испытывать всяческія невзгоды. Клейнмихель получаетъ собственноручное письмо, въ которомъ Государь очень рѣзко попрекаетъ ему дурное состояніе дорогъ. Старикъ былъ вѣ себя, зная, что главнымъ виновникомъ былъ Т., тотъ самый, который получилъ мѣсто по настоянію самаго Александра Николаевича. Клейнмихель кликнулъ своего писца и продиктовалъ ему въ нѣсколькихъ строкахъ прошеніе объ отставкѣ. Навѣстившій его Киселевъ пришелъ въ ужасъ отъ того, что на собственноручное письмо отвѣтъ писанъ рукою писца и только подписанъ. Тѣмъ не менѣе отвѣтъ посланъ, а Клейнмихель, не дожидаясь отставки, нанялъ домъ Жеребцова на Дворцовой набережной и въ него переѣхалъ. Позднею осенью, въ день возвращенія Государя изъ Крыма, пораженъ былъ ударомъ старшій сынъ Клейнмихеля графъ Александръ (вдова котораго Марія Эдуардовна, известна своими вечерами въ Петербургѣ). Объ этомъ еще на вокзалѣ было доложено Государю, какъ о занимавшей всѣхъ новости. Не заѣзжая во дворецъ, Государь проѣхалъ прямо въ домъ Жеребцова, плакалъ и отминно былъ любезенъ. Милостивое обращеніе продолжалось до конца. Въ особенности порадовало Клейнмихеля пожалованіе ему мундира Преображенскаго полка. Умирая онъ просилъ къ себѣ Государя и отдалъ подъ его покровительство сыновей своихъ. Государь сидѣлъ у его смертнаго одра, и когда уходилъ, старикъ сдѣлалъ движеніе поцѣловать у него руку. Государь не захотѣлъ. Тогда Клейнмихель сказалъ ему: не у васъ, а у моего Государя.

На похоронахъ Государь ѣхалъ верхомъ. Старшій сынъ Клейнмихеля поѣхалъ его благодарить, и Государь, вспомнивъ, что отецъ отдалъ сыновей ему подъ надзоръ, счелъ обязанностью разбранился на нихъ, и когда молодой Клейнмихель передавалъ свое удивленіе великому князю Николаю Николаевичу. „Счастливъ твой Богъ, замѣтилъ тотъ, что ты не возражалъ: онъ бываетъ страшенъ, когда сочтетъ своимъ долгомъ разгнѣваться, и дѣйствительно согнулъ бы васъ въ бараній рогъ“.